ИЗУЧАЕМ КОНЦЕПЦИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

● с точностью до "мозговых трестов", самых глубинных во многослойных заговорах;

● с точностью до отношений земного человечества с иными цивилизациями, иерархией сатаны и Царствием Бога - Творца и Вседержителя (Промыслом Божиим) .

(…)

При любой точности исторических описаний возможны и ошибки, как возможны ошибки и при вычислениях с любым количеством знаков.

Однако названные выше (а также и другие, оставшиеся не названными) описательные категории, которые могут быть соотнесены с историческим процессом как таковым в процессе его описания, - не факты истории. Но факты истории с ними соотносятся через принадлежность людей к тем или иным социальным группам или же через действия "исторических личностей" или социальных групп. Иными словами, историческое повествование с точностью до "исторических личностей" и безликой толпы-народа, это - примитивная плоская модель реальной истории; выделение в безликой толпе-народе каких-то партий - даёт трёхмерную модель истории и т.д."

На этих же принципах может быть обеспечена и метрологическая состоятельность социологии.

Кроме того, социология и история в адекватной Жизни культуре научной деятельности должны быть взаимосвязаны, поскольку только историческая наука способна предоставлять социологии фактологию; и только социология, выявив разного рода причинно-следственные обусловленности в жизни общества, позволяет преобразовать хронологически упорядоченный перечень исторических фактов в концепцию течения глобального и региональных исторических процессов.

Примером метрологически несостоятельной социологии является марксизм. В его политэкономии употребляются фиктивные категории, которые невозможно измерить в жизни ни инструментально, ни выявить "органолептически" (т.е. посредством чувственных способностей человека). Такими метрологически несостоятельными категориями марксизма являются следующие категории его политэкономии: "необходимое" и "прибавочное" рабочее время, "необходимый" и "прибавочный" продукт.

Нет таких хронометров, которые могли бы разграничить в технологическом процессе "необходимое" и "прибавочное" рабочее время; на складе готовой продукции ни одного предприятия невозможно разграничить "необходимый" и "прибавочный" продукты. Эти категории - не абстракции, которых много в науке, но которые могут быть весьма продуктивно соотнесены с реальностью, а иллюзорные фикции, от которых кроме вреда ничего получить невозможно. Вследствие их наличия политэкономия марксизма не может быть соотнесена ни с бухгалтерским учётом, сопровождающим хозяйственную деятельность, ни со статистическими данными, характеризующими экономические аспекты жизни общества.

Кроме того, в общем случае метрологически несостоятельна и трудовая теория стоимости, которой привержен марксизм. В частности, результаты научно-исследовательской, проектно-конструкторской и управленческой деятельности обусловлены прежде всего прочего личностным фактором, и получение результата в нестандартных ситуациях в этих видах деятельности не гарантировано ни затратами так называемого "рабочего времени", ни выделением тех или иных ресурсов: то решение научной, конструкторской или управленческой проблемы, до которого один додумается мимоходом за несколько секунд, - другой до него не додумается и за всю жизнь.

В метрологической несостоятельности политэкономии марксизма и его социологии в целом - одна из причин краха СССР.

В этой связи надо отметить, что И.В. Сталин - единственный публичный деятель (вне зависимости от того, относить его к политикам или к учёным социологам), который ещё в 1952 г. в своей работе "Экономические проблемы социализма в СССР" предложил науке отказаться от упомянутых выше и некоторых других понятийных категорий марксизма, чем по существу вынес смертный приговор марксизму и политике на его основе.

"Экономические проблемы социализма в СССР" - выраженное в марксистской лексике, и потому не всем понятное, свидетельство И.В. Сталина о том, что он осознавал несостоятельность марксизма в качестве социологической теории.

Но наряду с этим есть и прямые подтверждения этому. По свидетельству Ричарда Косолапова Дмитрию Ивановичу Чеснокову И.В. Сталин за день-два до своей кончины сказал по телефону: "Вы должны в ближайшее время заняться вопросами дальнейшего развития теории. Мы можем что-то напутать в хозяйстве. Но так или иначе мы выправим положение. Если мы напутаем в теории, то загубим всё дело. Без теории нам смерть, смерть, смерть!.." (приводится по публикации интервью с Р. Косолаповым "Без теории нам смерть!" в газете "Завтра" № 50 (211), декабрь 1997 г.).

Т.е. И.В. Сталин понимал, что обществу для обеспечения свободы людей и благоденствия необходима адекватная жизни социология.

А все порицающие И.В. Сталина и его эпоху "борцы за свободу и права человека" обходят молчанием эту проблематику и не замечают метрологической несостоятельности и, как следствие, - неадекватности жизни тех социологических теорий, приверженцами которых осознанно или бессознательно являются они сами. Неадекватность же социологической науки в целом и её отраслей жизни порождает политику, которая обрекает множество людей на несчастья и способна привести общество к катастрофе.

Поэтому вопросам метрологической состоятельности, будь она обеспечена инструментально на основе эталонной базы, либо органолептически на основе генетики биологического вида "Человек разумный", при рассмотрении проблематики социологии и всех её отраслей надо уделять особое внимание.

Свобода исследований в социологии и ограничения на распространение информации социологического характера

Поскольку социология - наука об обществе, то она обязана знать все аспекты его жизни, и потому в социологии не может быть запрещённых кем-либо для исследования тем и вопросов потому, что при навязывании такого рода запретов уменьшается размерность пространства параметров, которыми описывается жизнь общества, вследствие чего социология неизбежно утрачивает метрологическую состоятельность и адекватность жизни.

Другое дело, что разная тематика обладает разной значимостью, и потому есть проблематика более важная для изучения и разрешения и менее значимая. И кроме того:

В исторически сложившихся культурах необходимо думать о последствиях предоставления информации по некоторым специфическим видам тематики тем или иным социальным группам или персонально тем или иным лицам.

В частности, социология обязана изучать и знать пороки людей, процессы генерации, распространения и воспроизводства пороков в обществе. Но, точно так же, социологи обязаны избегать того, чтобы растлевать общество, распространяя информацию о пороках в режиме якобы "всеобщего социологического просвещения", подталкивая тем самым к порочному образу жизни потенциально склонных к нему людей, которые могли бы избежать этого, если бы не "своевременное" предоставление им информации, к адекватному восприятию которой они на достигнутой ими стадии личностного развития оказываются не готовыми, вследствие чего ступают на путь личностной деградации и антисоциального поведения.

Что касается самог? социального явления, которое можно назвать "инквизиторским подходом" в стиле "в этом недопустимо сомневаться потому, что это сатанизм", "эти темы нельзя исследовать потому, что это неприлично", "об этом нельзя говорить, потому что это неполиткорректно", "выражать инакомыслие по отношению к официально оглашённому мнению - экстремизм", то если стряхнуть с него всевозможные декларации о благонамеренности и пройти по цепочке посредников от "инквизиторов-исполнителей" к вдохновителям этого социального явления, то обнажится одно - стремление тех или иных вполне определённо выявляемых лиц или мафиозно организованных корпораций эксплуатировать в своих интересах невежество общества в тех или иных вопросах в ущерб этому обществу.

Прикладной характер социологии и две взаимоисключающие задачи, которые она может решать

В обществе, в его культуре не приживаются виды деятельности, которые не работают на чьи-либо интересы, что с точки зрения носителей этих интересов является "пользой" вне зависимости от того, праведны эти интересы или порочны. Это утверждение касается как полезного эффекта, получаемого кем-то индивидуально, так и полезного эффекта получаемого корпоративно теми или иными социальными группами. При этом получатели полезного эффекта могут быть как членами этого общества, так и представителями внешних по отношению к нему социальных систем.

Сказанное касается и всей научно-исследовательской деятельности, осуществляемой на профессиональной основе: если какая-либо отрасль науки существует в обществе, а тем более, если она - неотъемлемая составляющая его культуры, то значит, что "это кому-нибудь нужно".

То же касается и лженаук: если они процветают, то это тоже "кому-нибудь нужно". Точно так же и в подавлении каких-либо направлений научно-исследовательской деятельности объективно (т.е. вне зависимости от деклараций) выражается чья-то заинтересованность остановить исследования на этом направлении и распространение в обществе знаний определённого характера.

Один из вариантов того, что на протяжении всей истории понимается многими индивидами под "полезным эффектом", - выразил Кот Матроскин в мультфильме цикла "Про Простоквашино", промурлыкав: "Совместный труд для моей пользы - он объединяет…". По существу это приводит к вопросам:

● В чём суть паразитизма?

● В праве ли какой-либо индивид или социальная группа паразитировать на труде и жизни других людей?

История и текущая политика всех цивилизованных обществ показывают, что многие люди несут в себе либо осознанную убеждённость в своём праве паразитировать на труде и жизни других, либо информационно-алгоритмическое содержимое бессознательных уровней их психики таково, что они паразитируют на труде и жизни других людей, не осознавая этого, либо готовы начать паразитировать, если к тому представится возможность и сложатся располагающие к этому обстоятельства.

Понятно, что те, кто преуспел в этом, бесстыдно и бессовестно заинтересованы в поддержании устойчивости такого режима организации жизни общества, при котором большинство "ишачит" на господствующее над большинством меньшинство. В самом примитивном варианте такой режим жизни общества обеспечивается грубой силой, принуждающей "ишачить" на господ, и насаждением страха перед применением грубой силы. Однако "сила силу ломит", вследствие чего, как неоднократно показывала история рабовладельческих обществ, господа-рабовладельцы одной культуры, попав в плен, становились презренными рабами в культуре победителей; либо вспыхивали массовые восстания рабов, в ходе которых многие господа-рабовладельцы лишались и богатства, и жизни, а само рабовладельческое общество оказывалось на грани катастрофы культуры (восстание Спартака в древнем Риме, в последующие времена феодализма крестьянские войны: Жакерия - во Франции, на Руси - под водительством И.И. Болотникова, С.Т. Разина, Е.И. Пугачёва - тому примеры).

Поэтому паразитам, добившимся так или иначе господства над обществом, всегда хотелось более надёжных и безопасных средств осуществления паразитизма на труде оказавшегося подвластным ему большинства. В идеале для них было бы реализовать в отношении подвластного большинства принцип, выраженный в широко известной поговорке "дурака работа любит, и дурак работе рад": в ней выразилась не только лень не желающих работать "умников", склонных к паразитизму, которым однако не

(Окончание на стр. 6)